

Мешалкин Александр Николаевич
Костромской государственной университет

КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РАССКАЗАХ И.М. КАСАТКИНА

Исследование посвящено дореволюционной прозе И.М. Касаткина. Автор статьи раскрывает социальное и нравственное содержание его рассказов, рассматривает особенности изображения писателем жизни костромского крестьянства в кризисный период русской истории. И.М. Касаткин, как выходец из крестьянской среды, объективен и реалистичен в обрисовке костромского мужика, изображает крестьянский мир во всей полноте, сложности и противоречивости. Косность и жестокость крестьянина, по утверждению писателя, имеют социальные корни: мужик обездолен, бесправен, унижен. В изображении крестьянских судеб Касаткин наследует традиции своих предшественников (писателей-демократов) и современников (И. Бунина), но в то же время проявляет самостоятельность художественного мышления. И.М. Касаткин верит в возможность революционного обновления жизни, в крестьянское счастье. Ожидание перемен (как и социальная их заостренность) связано в его произведениях с темой детства. В статье акцентируется внимание на сюжетно-композиционных особенностях рассказов: использовании мотива пути-дороги, приема контраста в обрисовке людей и природы, образов-символов леса и реки Унжы. Автор исследования приходит к заключению, что художественный метод Касаткина, особенности его поэтики позволяют писателю на местном материале передать напряженную, драматическую атмосферу жизни русского крестьянства накануне революции и четко подметить стихийную устремленность мужика к светлым началам жизни.

Ключевые слова: реализм, традиции, самостоятельность художественного мышления, косность и жестокость крестьянского мира, социальная тематика, бесправие мужика, тема детства, ожидание перемен, мотив пути, образы реки и леса.

Информация об авторе: Мешалкин Александр Николаевич, ORCID 0000-0001-7140-5572, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: <mailto:meshalkin62@bk.ru>

Дата поступления статьи: 23.03.2020.

Для цитирования: Мешалкин А.Н. Крестьянский мир в дореволюционных рассказах И.М. Касаткина // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 151–155. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-151-155.

Aleksandr N. Meshalkin
Kostroma State University

THE PEASANT WORLD IN THE PRE-REVOLUTIONARY SHORT STORIES BY IVAN KASATKIN

The article examines the pre-revolutionary small prose of Ivan Kasatkin. It explores the social and moral dimensions of his stories, the individual features of his depiction of the life of Kostroma peasants in the turbulent years before the Russian Revolution of 1917. Ivan Kasatkin, a peasant born himself, offers an unprejudiced, realistic view of Kostroma fellas at the time, of their complex and contradictory world in all its entirety. In his opinion, the inertness and cruelty of male peasants has social roots, as this is the period when a fella is forced to live the life of a destitute, deprived of basic human rights and utterly humiliated. In this way, Ivan Kasatkin follows in the footsteps of his predecessors, known as Democrat-Writers, such as Nikolai Uspensky, Vasily Sleptsov, Alexander Levitov, as well as his contemporaries, such as Ivan Bunin. At the same time, he makes his own unique contribution to the artistic study of the plight of peasants. He believes, for example, in the feasibility of revolutionary rejuvenescence of life, he believes in peasant happiness. Above all, socially acute stipulations of change are manifest in his childhood narratives. The article focuses on the compositional features of the stories, namely, the use of the road motif, the use of contrast in the portrayal of people and nature, the use of symbolic imagery of forest and the Unzha River. The author argues that Ivan Kasatkin's artistic approach, his poetics, enable him to convey the intensely poignant and morose atmosphere of living in rural central Russia on the eve of the Revolution, while pointing out the instinctive yearning of male peasants for the new, invigorating beginnings of life.

Keywords: realism, tradition, independence of artistic thinking, inertia and cruelty of peasant world, social topics, human rights, childhood, anticipation of change, motif of road, symbolisation of river and forest.

Information about the author: Aleksandr N. Meshalkin, ORCID 0000-0001-7140-5572, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: meshalkin62@bk.ru

Article received: March 23, 2020.

For citation: Meshalkin A.N. The peasant world in the pre-revolutionary short stories by Ivan Kasatkin. Vestnik of Kostroma State University, 2020. vol. 26, № 2, pp. 151–155 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-151-155.

Литературное наследие Ивана Михайловича Касаткина (1880–1938), уроженца Кологривского уезда Костромской губернии, невелико: наиболее полное собрание его сочинений, изданное в 1929 году, включает три тома рассказов и очерков, большая часть которых была написана в 1909–1914 годы. После революции Касаткин, предельно загруженный партийной и общественной работой, создал лишь несколько рассказов и начал роман о любви, который не был закончен: в 1938 году писатель был репрессирован; имя его на несколько десятилетий оказалось вычеркнутым из истории советской литературы. Однако произведения И.М. Касаткина органично вписываются в то направление русской литературы, для которого крестьянская тема была значимой и актуальной. Разумеется, осваивая эту тему, писатель опирался на богатый художественный опыт, накопленный русской литературой от Н.А. Некрасова и А.Ф. Писемского до А.П. Чехова и И. Бунина. Проблематика и поэтика рассказов И. Касаткина, критический реализм в изображении жизни предреволюционной деревни перекликаются с творчеством писателей-демократов (Н.В. Успенским, В.А. Слепцовым, А.В. Левитовым, Ф.М. Решетниковым), повестями А.П. Чехова «В овраге», «Мужики», И. Бунина «Деревня». Однако литературные аллюзии в произведениях Касаткина на те или иные образцы дореволюционной литературы о судьбах крестьянства зачастую свидетельствуют не о прямом следовании уже существующим идейно-художественным установкам, а о развитии темы, о диалоге-споре с предшественниками и современниками, о самостоятельности его художественного мышления.

И. Касаткин, как выходец из крестьянской среды, обладал подлинным и глубинным знанием народной жизни. Но в отличие, скажем, от своего земляка С.В. Максимова или А.М. Ремизова, он не стремился к детальному изображению деревенского быта и крестьянской культуры. Тем более писатель не был склонен к идеализации народной жизни, как это делали поэты-символисты или крестьянский поэт Н. Клюев, в творчестве которого народная Россия представляла как древняя святая Русь, как легендарный град Китеж, а крестьянин и все, что связано с его трудом и бытом, предельно эстетизировалось и поэтизировалось.

И. Касаткин пристально всматривался в самую суть, факты и прозу крестьянской жизни и подвергал беспристрастному анализу ее конкретно-историческое состояние, делая зачастую акцент на невежестве, жестокости, косности и оцепенелости деревенского мира. В большей части дореволюционных рассказов писатель изображает крестьянскую жизнь в состоянии социального и духовного кризиса, который легко улавливается в самой удручающей атмосфере мужицкого быта, в той вак-

ханалии, которая творится порой в крестьянском мире. Замечательно сказано об этом на страницах рассказа «Село Микульское»: «Вечером, в разгар рекрутского гулянья, трактир – один на все окружающие деревни – ревел десятками гармоник, дрожал от топота ног. Между столов грузно плясали, будто подневольные, будто и сами не рады. Взмахивая руками, осовело толклись и прыгали с искаженными потными лицами. Это было не веселье, а какой-то угар, рев перед бедой, неведомой, но надвигающейся. Похоже, что земля решила рухнуть из-под ног, провалиться в тартарары, и вот люди сгрудились в один дикий, ревуший клубок» [Касаткин: 131]. Мрачной картиной застоя жизни начинается рассказ «На барках»: «Хмур и беден наш городок. Заброшен он в дебри костромских лесов, стоит при сплавной реке. <...> В зимние ночи, когда напряженную тишину леса и полей вдруг нарушит медлительный и жалобный бой часов на соборной колокольне или завоюет голодным воем собака, чувство тоски, тревожной и смутной, пробуждают в душе эти звуки в наших гиблых местах» [Касаткин: 24]. Герои-мужики Касаткина совершают безрассудные, дикие поступки. Пустившийся в загул глава семейства готов пропить сапоги маленького сына, а разгоряченный в споре крестьянин – забить березовым колом собственную лошадь. Родители, подавленные нуждой, готовы продать своих дочерей людям «с шальными деньгами» – «тузам-лесопромышленникам». Любимые развлечения дремучего костромского края – это бои с кольями и беспорядное пьянство в питейном заведении девки Марьи, куда идут все: хмурый чиновник, «от пустоты жизни пропившийся и вдребезги проигравшийся в карты», деревенская баба, «тупая и слезливая, несущая кусок холста, чтобы тут же взять пудик муки, той самой, которую ее муж снес сюда же, чтобы залить водкой ошгетинившуюся тоску» [Касаткин: 25].

Подобное изображение жизни костромской глубинки лежит в русле рассказов из народного быта Н. Успенского (предвосхитивших повести Чехова «В овраге» и «Мужики»), где крестьянская жизнь предстает неустроенной, неблагополучной, бессмысленной. Кроме того, многие картины суровой крестьянской жизни, наполненной жестокостью, пьянством и диким безрассудством, реминисцируют с повестью И. Бунина «Деревня». Однако Касаткин, признавая русскую деревню темной и забитой и изображая ее таковой, все же верил, что в мужике есть здоровая, разумная сила и светлый дух (об этом Касаткин писал автору «Деревни»). Это положительное начало можно рассмотреть во взрослых героях рассказов «Батя», «Силантьево детство», «Петрунькина жизнь». В изображении народной жизни у Касаткина нет ни Чеховского или Бунинского пессимизма, ни сарказма и гротеска, присущих, например рассказу писателя-де-

мократа В.А. Слепцова «Свиньи», где речь идет о том, как мужики поверили в новый указ запрягать их в телеги и использовать как рабочий скот, поверили – и безропотно это восприняли.

Тема социальной несправедливости является сквозной в творчестве Касаткина. Но мужик в его рассказах не только забит и темен, но и способен на открытый бунт. Крестьянин Тихон, герой рассказа «Волчья песня», оказался в тяжелой нужде, но попытки договориться с богатым пароходчиком о приеме его на ремонтные работы в зимний период оказались тщетными. В отчаянии Тихон поджигает пароходы бездушного судовладельца. Однако бунт мужика оборачивается его смертью и новыми страшными несчастьями для оставленной на произвол судьбы семьи. Глядя на труп отца в холодной мертвецкой, маленький Гришка вдруг «понял что-то большое, безыменное, но страшное – и испугался». Автор, используя несобственно-прямую речь, рисует ужасные жизненные перспективы осиротевшей семьи: «Ему хотелось бы рассказать отцу, что он поморозил ноги, что картошки больше нет, что в том большом городском доме, где сегодня ночевали, шибко кашляют, с верхних нар плюются, всю ночь кашляют и плюются» [Касаткин: 178]. И все же герои Касаткина в большинстве своем «противостоят социальной несправедливости не бунтарством своим и не сознательным протестом. Этого писатель (как, скажем, и Бунин, и Горький) еще не видел в массе мужиков. Но Касаткин, мастерски вырисовывая психологические портреты мужиков, показывает, что в них жива потребность в радости, «в свободном труде и вольной жизни» и «растущую веру в близкую перемену мира» [Крупышев: 119].

Социальная тематика произведений Касаткина высвечивается по-особому благодаря мастерскому воплощению темы детства, детских страданий. Следуя традиции русской классической литературы, писатель судит о времени, обо всем, что происходит в жизни, с позиций «слезинки ребенка». «Слезинка ребенка» в произведениях Касаткина – не художественно-философская метафора Ф.М. Достоевского, а сама суть сюжетов, живая плоть произведений. Это объединяет И.М. Касаткина с А.П. Чеховым, Л. Андреевым, А.И. Куприным, А.С. Серафимовичем, активно развивавшими детскую тему в литературе рубежа веков. Острые социальные конфликты и противоречия, в которые втянуты взрослые в рассказах Касаткина, находят отражение в судьбах детей. В «Петрунькиной жизни» возникает параллельная фабульная ситуация. Сначала творится несправедливость со стороны старосты Зуева, который окончательно разоряет семью Петруньки, описывая все имущество вплоть до вьюшек из печной трубы. А чуть позже самодовольный Филька, сын старосты, зло подтрунивает над Петрунькой по поводу этого имущества и уве-

денной со двора коровы. Включенность детей во взрослую жизнь сопряжена с их интуитивным пониманием той тяжести, которая выпадает на долю родителей. Они по-детски непосредственно сочувствуют взрослым и даже стараются облегчить их участь. В «Веселом бате» Анка, притворившись, что спит, смотрит с печи из-за трубы на своего отца, оказавшегося в страшной нужде, понимающим и печальным взглядом. В рассказе «Силантьево детство» Силашке жаль страдающего «тятюку», у которого украли в городе лошадь. Подобное отношение детей к взрослым не только заостряет социальную проблематику рассказов, придает им драматическую напряженность, но и рождает в читателе надежды на перемены к лучшему в жизни крестьянина.

Ощущение перемен в жизни человека-труженика связано у Касаткина с мотивом «пути-дороги», когда крестьянин снимается с насиженных мест и отправляется в скорбные странствования. Надежды на лучшую долю в представлениях и детей, и взрослых связываются с жизнью за пределами деревни, в «волшебном» городе. О нем мечтает Петрунька («Петрунькина жизнь»), Силашка и его отец («Силантьево детство»), хотя город не несет крестьянину ни достатка, ни свободы – он необычен и сказочен лишь в детских представлениях. Сюжетный мотив пути, характерный для фольклорных произведений, часто использовался в русской литературе, и в этом смысле И. Касаткин не оригинален. Однако в художественном мире того или иного писателя мотив, образ пути имеет свою смысловую и поэтическую нагрузку. В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» этот мотив организует сюжет, проблематику, все художественное пространство, в котором вырисовывается эпическая картина русской жизни. В рассказах Касаткина путь-дорога имеет и конкретно-исторический смысл, и символический подтекст. Крестьянин вынужден уходить из деревни, бросая землю, спасаясь от нищеты и разорения. В этой устремленности мужика к новой, пусть и неведомой, жизни нет скорбных сожалений об утраченном, а есть стихийное желание перемен. Так И. Касаткин полемизирует с М. Горьким, своим литературным наставником и покровителем, утверждавшим, что забитость, невежество крестьянина, его социальная пассивность обусловлены оседлостью, тягой к земле – властью земли. В то же время путь-дорога как символический образ – это движение самой жизни, возможность ее революционного обновления. Примечательно, что в художественном пространстве рассказов Касаткина движение по пути-дороге не однонаправленное, а двустороннее. Писатель запечатлел меняющуюся социальную среду деревни: среди темной массы мужиков появляются ссыльные, фабричные мастеровые с соседних заводов. Эти новые люди, пришедшие в де-

ревню, пытаются просветить крестьян, расшатать застоявшуюся деревенскую жизнь, подготовить ее к революционным переменам.

Оригинальность, самобытность Касаткина-художника проявляется не только в использовании особого материала – жизни крестьянина из костромского захолустья, носителя особого языка, характера, жизненного уклада, в трактовке социального положения крестьянства и его нравственного состояния, стихийной устремленности из мрака к свету, – но и в сюжетно-композиционной организации рассказов, построенных по принципу контраста. В художественном мире Касаткина доминируют образы леса и реки, несущие как конкретный, так и символический смысл. Они скрепляют рассказы в некое художественное целое и в то же время детерминируют их главную проблематику: сложную взаимосвязь, борьбу противоположных начал крестьянской жизни. Бескрайний, дремучий лес символизирует застой, омертвелость глухих кологривских деревень, река Унжа олицетворяет движение, неотвратимость перемен, дарит надежду на просветление, выход в большой новый мир (неслучайно Касаткин любит напомнить читателю, что Унжа – это приток великой Волги). Образ реки Унжи органично связан с образом весны, поскольку пробуждение реки наступает весной, когда она «величаво и спокойно поплескивает волной в берега» и уносит людей к далекой Волге. Лирический и в то же время восторженный голос автора звучит там, где речь идет о пробуждающейся природе: «Весна! На реке шумит ледоход; вместе с этим шумом несется дружный дробный стук топоров. Время от времени там глухо и тяжело ухнет и загромыкает, как отдаленный гром. Это, благословясь, начинают спускать на воду новые барки. Если взглянуть на реку с соборной горы, новые барки напоминают больших белых птиц – далеко еще лететь им, присели они стаями на глинистых берегах, отдыхают...» [Касаткин: 131].

На конкретно-историческом уровне прием контраста проявляется в описании жестокостей и мерзостей жизни, когда уродство человеческого существования, «звериная жизнь», низменные инстинкты противопоставляются красоте человека или красоте природы. В рассказе «Лесовица» старики продают прекрасную девушку Настю, которая была для многих «лучом света» в «темном царстве» убогого края, где «все как будто вывернуто, скрючено и придавлено к земле звериной жизнью» за четвертной билет богатому лесопромышленнику. Примечательно, что в финале рассказа автор «наказывает» людей за это нравственное преступление. Те, кто унижал и насмехался над Настей, превратив ее в первобытное существо – лесовицу, сами превращаются в дикое, первобытное стадо, охваченное низменными инстинктами. В рассказе «Лоси» звери облагорожены, возвышены,

они олицетворяют гармоничный, величественный мир природы. Автор тонко передает восприятие зверями происходящих событий и деятельность человека: «С осени они избродили огромные пространства. Были у Ветлуги, переметывались к истокам Керженца, появлялись на Пыщуге и Ухтыше – и везде этот неугомонный человек и стук его топора!» [Касаткин: 178]. Человек нарушает естественное течение природной жизни и воспринимается лосями как что-то враждебное, несущее беду, смерть. В пейзажных зарисовках доминируют тишина и покой («мороз притаился», «ни шороха, ни звука», «невывразимо тих лес», «тонко звенящая тишина», «зимний сон», «лоси мирно лежат», «ночь охраняет покой лосиный», «бело, ровно и тихо» и т. п.), преобладают белый и синий цвета как символы чистоты природного мира. Безмолвию, величию природы противопоставлен неустроенный и беспокойный быт людей, «человеческая жизнь, полная резких, некомфортных для восприятия звуков, контрастных гармоний природного мира» [Лебедева: 64] («жалобно поскрипывали на утреннем ветру сломанные, расхлебанные ворота», охотник «засипел из-под платка», «спросонья и глухо начинают гуторить голоса», «заныл ребенок», «густые и тягучие вздохи, зевки, азартный чес» и т. п.).

Рассказ «Лоси» во многом соотносится со стихотворением И. Бунина «Густой зеленый ельник у дороги», написанным в 1905 году, хотя неизвестно, был ли знаком с этим поэтическим текстом Касаткин. Финальные сцены произведений разные: у Бунина сильный, благородный олень (так называет поэт лесного зверя) уходит от собачьего гона и спасает «красоту от смерти» – у Касаткина лоси обречены на смерть. Но, несмотря на эти фактические различия, оба автора, используя свои поэтические средства, поют гимн природе, ее величию, чистоте и красоте. Здесь мы наблюдаем сходство поэтических взглядов на мир. Правда, сама форма произведения Касаткина позволила писателю воплотить идею красоты природы и безнравственного поведения человека в более конкретных и развернутых обстоятельствах и образах. Гуманизм Касаткина проявляется в том, что его взгляд на природу и людей лишен чистого эстетства; в понятие красоты автор вкладывает нравственный смысл, в его произведениях красота природы и человека ярче высвечивает уродливые стороны жизни.

Так, наследуя и развивая традиции русской литературы о судьбах крестьянства, И.М. Касаткин изображает крестьянский мир во всей полноте, сложности и противоречивости, в единстве мрака и света, отчаяния и надежды. Не сосредотачиваясь на бытописании и обстоятельной обрисовке психологических портретов своих героев, писатель мастерски изображает напряженную, драматическую

атмосферу сельской жизни накануне революции. Касаткин не находит в крестьянской среде сознательных борцов за социальную справедливость, но четко подмечает стихийную устремленность мужика к светлым началам. Этот пафос проявляется во всей сюжетно-композиционной и образной структуре рассказов.

Список литературы

Занковская Л.В. Крестьянские рассказы И.М. Касаткина // Новый мир, 2002. С. 142–144.

Касаткин И.М. Мужик. Рассказы. М.: Советский писатель, 1991. 382 с.

Крупышев А.М. Приготовление к жизни // Вечные всходы: сб. очерков о писателях Костромского края / сост. Ю.В. Лебедев. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд.-во. 1986. С. 114–128.

Лебедева С.Н. «Эпические поэмы» И.М. Касаткина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 4. С. 61–66.

Скобелев В.П. Творчество И.М. Касаткина // Революция. Жизнь. Писатель. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. С. 76–93.

References

Zankovskaia L.V. *Krest'ianskie rasskazy I.M. Kasatkina* [Peasant stories I.M. Kasatkina]. *Novyi mir* [New world], 2002. pp. 142–144. (In Russ.).

Kasatkin I.M. *Muzhik. Rasskazy* [Man. Stories]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ, 1991. 382 p. (In Russ.).

Krupyshev A.M. *Prigotovlenie k zhizni* [Preparation for life]. *Vechnye vskhody: sb. ocherkov o pisateliakh Kostromskogo kraia* / sost. Iu.V. Lebedev [Eternal seedlings: Sat. essays about the writers of the Kostroma region, comp. Yu.V. Lebedev]. Iaroslavl', Verkh.-Volzh. kn. izd.-vo Publ. 1986. pp. 114–128. (In Russ.).

Lebedeva S.N. «*Epicheskie poemy*» I.M. Kasatkina [“Epic poems” I.M. Kasatkina] *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University by V.N. Tatishchev.], 2012, № 4. pp. 61–66. (In Russ.).

Skobelev V.P. *Tvorchestvo I.M. Kasatkina* [Creativity I.M. Kasatkina] *Revoliutsiia. Zhizn'. Pisatel'* [Revolution. A life. Writer]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta Publ, 1978. pp. 76–93. (In Russ.).